

Л. К. Науменко, Г. А. Югай

**«КАПИТАЛ»
К. МАРКСА
и методология
научного
исследования**

1968
серия

ФИЛОСОФИЯ

Л. К. НАУМЕНКО,
Г. А. ЮГАЙ

«Капитал»
К. Маркса
и методология
научного
исследования

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1968

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Общефилософское значение «Капитала»	4
О совпадении диалектики, логики и теории познания	10
Абстракция предмета науки	18
«Капитал» К. Маркса и методология системно-структурного исследования	28
Система как единство структуры и функции	32
Методология системно-структурного исследования и естественные науки	42

Лев Константинович НАУМЕНКО
Герасим Андреевич ЮГАЙ

«КАПИТАЛ» К. МАРКСА И МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Редактор *Г. Н. Савватеева*
Худож. редактор *Т. И. Добровольнова*
Техн. редактор *Л. А. Дороднова*
Корректор *С. Н. Князева*

А 02259. Сдано в набор 5/II 1968 г. Подписано к печати 28/II 1968 г. Формат бумаги 60×90/16. Бумага типографская № 2. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,87. Тираж 65 500 экз. Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 451. Типография изд-ва «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Цена 9 коп.

Место «Капитала» Карла Маркса в истории науки, в истории духовной культуры человечества совершенно исключительное. Явно недостаточно сказать, что эта книга выдержала испытание временем. «Капитал» не просто литературный памятник, пассивно противостоящий стихии времени. Облик самого исторического времени существенно изменился с тех пор, как идеи «Капитала», овладев миллионными массами, стали материальной силой, определяющей содержание современной эпохи. «Капитал» принадлежит к числу тех великих произведений революционной мысли, история которых не оканчивается с их литературным завершением. Значение таких произведений состоит в том, что они не только объясняют мир, но и духовно вооружают силы, изменяющие его. В революционной истории бессмертных идей «Капитала» самые значительные, самые яркие страницы падают на последние пять—десять лет.

«Капитал», бесспорно, самое ценное сокровище в том идейном наследстве, которое XIX век оставил веку XX. Помноженные на теоретический и практический опыт КПСС эти идеи нашли свое воплощение в нашей революции, в социалистическом и коммунистическом строительстве. Никогда еще его читательская аудитория не была столь велика и разноречива, как в годы, прошедшие со времени революции. Никогда еще эта книга не возбуждала столь пристального внимания и глубокого исследовательского интереса ученых самых разных специальностей, как в годы Советской власти. Никогда еще ее научный авторитет не был так высок, как в наши дни.

Чрезвычайно показательным является тот факт, что именно накануне Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин с горечью отмечал в своих «Философских тетрадах», что за истекшие пятьдесят лет никто из марксистов не понял «Капитал» Маркса во всем объеме его значения¹. Это замечание В. И. Ленина относилось прежде всего к философской стороне основного произведения Маркса, к его методу, к его диалектике. Именно В. И. Ленин обратил особенное внимание на исключительное значение логики «Капитала», блестящую научную будущность которой он предвидел. За годы Советской власти философы-марксисты

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 162.

сты провели обстоятельное исследование этой стороны произведения Маркса, реализуя ленинский завет.

Логика «Капитала» — не катехизис. Исследование структуры и опыты применения ее рекомендаций в практике исследования научно-теоретического познания в его различных отраслях неизбежно порождают и новые философские проблемы и новые споры вокруг старых проблем. И с этой, теоретической стороны вторая жизнь «Капитала» — движение, в которое вовлекаются все новые и новые отрасли знания, все новые и новые научные силы.

Общепhilosophическое значение «Капитала»

«Капитал» — экономическое произведение, это бесспорно. Но именно эта очевидность длительное время мешала многим исследователям, в их числе и марксистам, разглядеть мощный фундамент философских идей, относящихся прежде всего к диалектике, логике и теории познания. Своеобразие здесь состоит в том, что эти идеи не изложены специально в систематической форме. Абстрактные философские проблемы поставлены в «Капитале» и разрешены как практические проблемы научного познания, которые по самому существу своему не могут быть ни поставлены, ни разрешены в предисловии или послесловии произведения, но лишь в ходе самого исследования и в неразрывной связи с его задачами. Такая постановка вопроса сама по себе принадлежит к числу основных философских идей Маркса, знаменовавших коренной переворот во взглядах на философию. Удивительно ли, что находились «мыслители», увидевшие в «Капитале» только философское умозрение в духе гегелевской «триады», лишь проиллюстрированное экономическими примерами, или, напротив, только экономическое содержание, лишь украшенное философскими отступлениями. В обоих случаях за масштаб бралась старая философия. Что же касается новой философии, то она как раз и нашла свое воплощение в логике «Капитала», в диалектике марксовой мысли, отдавшей предпочтение «логике дела» перед «делом логики» старой философии.

В. И. Ленин настойчиво подчеркивал, что если Маркс не оставил нам систематического изложения «*Логики*» (с большой буквы), то он оставил нам *логику* «Капитала»¹, а это наследство еще драгоценнее. В «Капитале» изложена систе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 301.

ма логико-философских идей, схваченных в движении, в действии, в деле.

Даже при первом знакомстве с «Капиталом» читателя поражает необыкновенная естественность и структурная завершенность мысли его автора, которая и сообщает его логике столь высокую степень необходимости и убедительности. В «Капитале» нет места для несущественных отступлений, поспешных выводов, риторических тирад и голословных уверений.

Самая суть, объективная жизнь предмета руководит мыслью исследователя, которая нигде не вмешивается в естественный ход дела, не выставляет самое себя напоказ, не совершает насилия над вещью. «Капитал» — совершенное произведение, гармоничное целое, организм, наделенный жизнью, которая продолжается уже независимо от его создателя.

Было бы большой наивностью полагать, что эта естественность изложения — плод только гениальной интуиции и огромного литературного таланта автора, что она — лишь своеобразие литературного стиля произведения. За этим стилем стоит научный диалектический метод мышления, никогда не применявшийся в научном исследовании с такой систематичностью и полнотой.

«Капитал» осуществляет древнюю мечту философии об объективном методе, адекватном самому предмету способе развития мыслей. Еще Гераклит выразил наивное, но в сущности верное представление об этом идеале научного, философского познания мира в известном афоризме: «не мне, но логосу внимая...»¹. Не чем иным, как гипотезой о таком идеальном научном методе является и диалектика Гегеля, некоторые идеи которой критически воспринял и развил дальше Маркс, работая над «Капиталом».

В самом деле, главным методологическим принципом гегелевской диалектики является объективность рассмотрения всякого предмета, стихия его собственного движения, жизнь «самой сути дела». Все суждения, которые мы можем высказать об объекте, все определенности, которые мы можем ему приписать, должны быть основаны исключительно на самоопределении предмета мысли, на его собственном движении, рассмотренном «в себе и для себя». «Научное познание... — пишет Гегель, — требует отдалиться жизни предмета, или, что то же самое, иметь перед глазами и выражать внутреннюю необходимость его»². Мыслящий дух должен как бы затаить дыхание и предоставить объективному смыслу господствовать в себе и пластически формировать мнение.

¹ Материалисты Древней Греции. М., Госполитиздат, 1966, стр. 45.

² Г. Гегель. Соч., т. IV, стр. 29.

Это есть в сущности предвосхищение объективного научного метода, диалектики, главным принципом которого является «объективность рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)», на что В. И. Ленин указал прежде всего, перечисляя в «Философских тетрадах» элементы диалектики¹. Однако гегелевское учение о методе было не более чем гипотезой, построенной на зыбкой почве идеализма. Гегель был убежден, что из всех предметов человеческого разума только сам разум, идея, понятие поддается тому «пластическому» изложению, о котором выше шла речь. Что же касается предметов природы, а тем более материальной сферы общественной жизни, то они сами по себе не поддаются такому пластическому изображению. Ясно отсюда, что гегелевская диалектика не могла послужить основой научной методологии, практически применяемой наукой к исследованию различных областей действительности.

Теорию диалектического метода, реализованную в практике научного исследования, создал Маркс. Его «Капитал» и есть образец того самого «пластического», объективного научного изложения, которое не удалось не только Канту (мечтавшему о нём), но даже и Гегелю. И эта не только глубоко научная, но и эстетически прекрасная форма развития мысли родилась и утвердилась в исследовании такого «прозаического» объекта, как система экономических отношений капитализма, «царства нужды и рассудка», как выражался о ней Гегель.

Создание такого метода, его практическое применение необходимо должно было опираться на решение фундаментальных философских проблем, главной из которых бесспорно является проблема отношения мышления и бытия, отношения научной мысли и ее объекта.

Колоссальное значение «Капитала» для всего последующего развития науки и философии состоит, в частности, в том, что в этом эпохальном труде принципиальные философские проблемы рассмотрены через призму конкретно-практических проблем специальной, а именно — экономической науки. Именно на это обстоятельство обратил прежде всего внимание В. И. Ленин: «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма...»².

Совершенно очевидно, что В. И. Ленин распространяет урски «Капитала» не только на понимание логики науки, но прежде всего на понимание самого существа философии как науки, на понимание существа науки вообще.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 202.

² Там же, стр. 301.

Маркс — последователь той традиции в научном мышлении, которая берет свое начало еще в античной философии и, продолжаясь через всю историю философии и науки XVII, XVIII и XIX веков, завоевала право называться классической. Ее противоположностью является позитивистская традиция, представляющая собой форму декаданса и разложения научного мышления, санкционированного и воспетого в особенности буржуазной «философской наукой» XX века.

Основная черта этой классической традиции — понимание объекта научного познания как внутри себя организованной и расчлененной реальности, живой конкретности, устойчивой сущности, независимой от того «угла» зрения, под которым ее рассматривает та или иная наука. Иными словами, краеугольным камнем этой традиции является понимание объекта не только как предмета деятельности ученого, совершающего с ним те или иные манипуляции, но как субъекта всех происходящих с ним изменений, как саморазвивающейся субстанции¹. В практике научного исследования это выражается в сознательном поиске ученым такого подхода к предмету, таких его «ракурсов», которые бы исключили приписывание предмету определений и изменений, выражающих не его собственную специфику, а лишь специфику науки, ее отношение к предмету, ее потребности и ее «естественную» ограниченность. Таких определений, как, скажем, продиктованные соображениями «экономии», «удобства», «простоты» и вытекающих из «специфики языка» науки или даже личности ученого.

На первый взгляд требования полной объективности рассмотрения представляются неосуществимыми. Кажется, что наука и теоретическая деятельность вообще всегда столь сильно накладывают отпечаток своей специфики на характер теоретического изображения предмета, что всегда глубоко «безнадежно» деформируют предмет. Но это философское заблуждение, корни которого лежат в том обществе, «духовным ароматом» которого декадентская философия и является. Именно в этом и заключается причина особой живучести этого заблуждения в наши дни. В подготовительных работах Маркса к «Капиталу», изданных под общим названием «Очерки критики политической экономии», читаем: «Итак, если производство, основанное на капитале, с одной стороны, создает универсальную систему труда, — то есть прибавочный труд, труд, создающий стоимость, — то, с другой стороны, оно создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности; даже

¹ Субстанция (лат. substantia — то, что является основным, внутренним содержанием объекта, его сущностью) понимается здесь как всеобщее основание данного явления, а не как субстанция мира.

наука, точно так же как и все физические и духовные свойства человека, выступает лишь в качестве носителя этой системы всеобщей полезности, и нет ничего такого, что вне этого круга общественного производства и обмена выступают бы как нечто *само по себе более высокое*, как правомерное само по себе... Только при капитализме природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; ее перестают признавать самодовлеющей силой, а теоретическое познание ее собственных законов само выступает лишь как хитрость, имеющая целью подчинить природу человеческим потребностям...»¹. «Логика науки» отнюдь не противостоит объективной, строгой науке, «логике вещей», но наоборот, выводится из последней. Противопоставление логики науки логике вещей, кажущееся философу-неопозитивисту и прагматисту столь естественным, обязано своим возникновением не науке, как таковой, а буржуазному образу мышления, о котором и шла речь в приведенной выше цитате. Именно практика буржуазной «системы всеобщей полезности» заставляет ученого отказаться от идеала объективного воспроизведения предмета в теории и рассматривать его только в качестве материала, которому науки искусственно сообщают ту или иную «специфическую форму», исходя только из интересов субъекта как таковых. Научный разум при таком подходе к делу — только рассудочная «хитрость», вступающая в поединок с «логикой вещей».

Философу-неопозитивисту сами эти выражения «логика вещей», «логика предмета», «логика содержания» представляются совершенно лишенными смысла чисто словесными выражениями. Для него имеет смысл говорить лишь о логике *языка* науки. Вещи для него — лишь поле чистых возможностей для конструирующей деятельности рассудка. Сущность вещи есть не что иное, как форма ее отношения к субъекту². Остается только удивляться поразительной прозорливости Маркса, предвидевшего через столетие тот тупик, в который заведет буржуазную философию и ориентируемую ею науку практицизм капиталистического общества.

¹ Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie.

Цит. по журн. «Вопросы философии», 1966, № 9, стр. 88—89.

² В самом деле, в «Философии науки» Ф. Франка мы читаем: «... под «существенными свойствами» вещи мы будем подразумевать те свойства, которые необходимы для достижения определенной цели. Без уточнения цели термин «существенный» не имеет определенного значения...» (Ф. Франк, Философия науки, М., Изд-во иностр. лит., 1960, стр. 63). Аналогично высказывается и Б. Рассел: «Понятие о сущности является сокровенной частью каждой философской системы после Аристотеля вплоть до нашего времени. Это, по-моему, безнадежно сбивающее с толку понятие... В действительности вопрос о «сущности» есть вопрос о том, как употреблять слова». (Б. Рассел, История западной философии, М., Изд-во иностр. лит., 1959, стр. 221).

В «Капитале» Маркс оставил нам образец объективного научного метода, воплотившего в себе и развившего далее лучшие традиции классической философии прошлого, лучшие тенденции новейшей науки. Этот метод подлежит применению и в других науках (с учетом, разумеется, специфики последних). В то же время очевидно, что в наши дни фактически еще ни одна дисциплина не достигла той степени зрелости, которая позволила бы осуществить это применение с большой полнотой. По-видимому, общей закономерностью исторического развития является известная **неравномерность** в развитии отдельных областей научного познания, поэтому каждая из них так или иначе, на определенном этапе своего развития, заново открывает для себя не только Маркса, но и Аристотеля, не всегда отдавая себе в этом отчет. Так, например, обстоит дело со структурной лингвистикой, открывшей для себя лишь в начале XX века аристотелевскую проблему материи и формы. Принципы системного и структурного анализа, столь оживленно обсуждаемые в научной литературе наших дней, — новость во всяком случае не для философии.

Что же касается логических идей «Капитала» Маркса, то многие из них пока не дождались своего возрождения на почве других отраслей научного познания. Нет никакого сомнения в том, что это произойдет. Кладовые плодотворных философских идей для науки еще не исчерпаны и, по-видимому, не будут исчерпаны никогда. И сама философия обогащается за счет развивающегося научного опыта. Исключительно плодотворным для нее и по сей день является опыт «Капитала». В данной брошюре мы разбираем только некоторые из логических идей Маркса в «Капитале».

Различные специальные науки уже подходят ныне к осознанию плодотворности применения в них категорий диалектического противоречия, единства логического и исторического, абстрактного и конкретного, т. е. тех категорий, которые получили свое применение и развитие на конкретном научном материале в «Капитале» Маркса.

Главным философским уроком «Капитала» Маркса является тезис о диалектическом совпадении форм и законов движения и развития научной мысли с формами и законами движения и развития предмета, логики познания с диалектикой вещей. Эта черта метода «Капитала» легла в основу ленинской идеи о совпадении диалектики как науки с логикой и теорией познания. Эта идея имеет исключительно большое значение как для самой философии, так и для специальных наук.

О совпадении диалектики, логики и теории познания

Как известно, в старой домарксовой метафизической философии учение о бытии (онтология) обособлялось от учения о познании (гносеологии) и логики. Вследствие этого гносеология превращалась в ветвь психологии, а логика в ряде случаев — в отрасль лингвистики или той же психологии. (Так, например, английский материалист XVIII века Т. Гоббс определял логику как науку об искусстве «употребления слов»). В основе всего этого лежало представление о том, что познание и мышление — совершенно своеобразные области, специфические законы которых не могут быть выражены в универсальных понятиях онтологии как учения о бытии вообще. Эта философия преувеличивала специфику познания и логического мышления, что впоследствии дало возможность идеалисту Канту построить на раздувании этой специфики свою агностическую философию. Кант рассматривал человеческое сознание как своеобразную среду, обладающую собственными законами преломления, ничего общего не имеющими с законами вещей самих по себе. Вследствие этого всякая информация о действительности, проходя через среду сознания, неизбежно и неисправимо искажается.

Опровержения агностицизма следует искать, как подчеркивали и Маркс, и Энгельс, и Ленин, прежде всего в практике, включая и практику научного познания.

Обособление онтологии от гносеологии и логики, преувеличение специфики познания диктовалось философии XVII—XVIII веков практикой метафизического научного мышления. В научном исследовании той поры формы и законы мысли практически выступали как нечто внешнее и чуждое природе содержания, как нечто только особенное наряду со всеобщностью содержания. Логические операции обобщения, абстрагирования, индукции и дедукции имели по преимуществу искусственный характер. Еще не было возможности дать, скажем, реальную, или естественную, дедукцию биологических видов, как это имело место позднее в эволюционной теории Ч. Дарвина. Метод физического мышления не представлял собой аналога развивающейся действительности и вследствие этого метафизическое мышление застревало в своей специфичности, неадекватности объекту, в своем формализме. Теория этого мышления и увековечивала факт несовпадения законов мысли с законами бытия, обособляя науку о бытии от науки о познании и о законах логического мышления.

В «Капитале» эти теоретические проблемы философии и

практические проблемы научного познания осмыслены и решены принципиально иначе.

Маркс исходит из того, что общие философские вопросы, вопросы теории должны ставиться и разрешаться в тесной связи с конкретно-исторической практикой, должны находить практическое разрешение, которое и обобщается в теории. Если же она изолируется от практики, то вырождается в схоластику. Так обстоит дело и с основным вопросом философии. Еще в «Тезисах о Фейербахе» Маркс писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»¹.

Аналогично обстоит дело и с вопросом о соотношении диалектики, логики и теории познания. Совпадают ли вообще законы познающей мысли с законами действительности, а следовательно, и наука о познающем мышлении (логика и теория познания) с наукой об универсальных законах действительности (диалектикой) или нет — это вопрос не только теории, но прежде всего практический вопрос. Выражает ли логика мысли универсальные формы и закономерности бытия или ее специфика накладывает неизгладимый и неустранимый отпечаток на результаты познания? На этот вопрос нельзя дать однозначного ответа, действительного для всех исторических этапов развития познания, истинного на все времена. Ответ будет таков: в общем, в возможности, в тенденции — да, в ряде конкретных отдельных случаев (и в метафизическом мышлении) — нет.

На каждом данном этапе развития научного познания общая философская истина материализма о совпадении форм и законов познающего мышления с формами и законами объективной реальности оборачивается практической проблемой разработки такого способа развития мыслей, который был бы внутренне тождествен способу движения содержания, разработки метода, адекватного предмету. В «Капитале» мы и имеем дело с таким методом. Эту практику научного исследования и отражает известная ленинская формула о диалектическом «совпадении» диалектики, логики и теории познания. Только в диалектическом мышлении, сознательно подчиняющем движение понятий развитию предметного содержания, совпадение законов мысли с законами вещей является практически истинным. Поэтому только по отношению к такому мышлению общее философское положение

¹ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 1—2.

ние о совпадении содержания науки о мышлении и познании с наукой об универсальных законах развития действительности является конкретной истиной. Только в диалектическом мышлении специфические законы логики совпадают со всеобщими законами бытия. Открытие Марксом в «Капитале» диалектического метода познания, законов диалектической логики и применение этого открытия в практике исследования экономических отношений капитализма разрешило старую философскую проблему о соотношении учения о бытии (онтологии) с учением о познании (гносеологии) и о мышлении (логики). Оно привело к коренному переосмыслению взаимоотношения всех основных философских понятий и дисциплин, к переосмыслению сущности самой философии.

Конечно, специфичность познания, мышления есть факт, с которым не может не считаться философия диалектического материализма. Эта специфичность выражается в том, что человек по необходимости понимает вещи сообразно своему ограниченному разумению, в том, что человеческая мысль не может охватить и выразить объективную истину сразу же, немедленно, во всей ее полноте, а потому она на том или ином конкретном этапе своего познавательного движения оказывается ограниченной, ущербной, неполной. Однако теория познания марксизма и диалектическая логика, воплощенные в «Капитале», не останавливаются на констатации факта и ищут пути преодоления специфичности познания, его ограниченности.

Каковы же пути этого преодоления?

Познание не имеет границ своего развития на пути к абсолютной истине. И в этом своем развитии оно выявляет себя как активную деятельность. Его специфика заключается прежде всего именно в особенностях этой активности. Вопрос состоит в том, как относится эта активная деятельность к ее предмету. Представляет ли собой эта активность нечто, присущее только познанию, а потому и специфичное исключительно для него, или же она есть отражение активности, свойственной самому объекту?

Если объект рассматривается как неподвижная сущность, то движение мышления остается всецело присущим только ему самому, только субъективным. Логика науки в этом случае никоим образом не может совпадать с «логикой вещей», с их диалектикой. Если же движение научных понятий сознательно подчиняется движению объекта, если активность мышления в конечном счете оказывается средством выражения активности самого предмета, его противоречий, его развития, то в этом случае форма движения мысли перестает быть чем-то специфичным для нее самой, логика науки совпадает в тенденции с логикой предмета, с его диалектикой.

Такой результат может быть достигнут лишь на почве

диалектики, понятой как общая теория и метод развития. Именно с таким методом мы и имеем дело в «Капитале». В движении научной мысли шаг за шагом раскрываются все новые и новые формы развивающегося предмета, все новые и новые аспекты сложного целого. Причем дело обстоит не так, что движущаяся научная мысль высвечивает в неподвижном предмете все новые и новые стороны, но так, что предмет сам в процессе своего развития продуцирует эти новые стороны, последовательно и систематично разворачивает все многообразие своих «аспектов». Движение содержания науки, последовательность ее категорий предстает как отражение естественноисторического процесса развития ее предмета, системы экономических отношений капитала.

Поэтому и экономические абстракции — категории — рассматриваются в «Капитале» не только как субъективные формы мысли, но и как объективные формы самого предмета. «Это — общественно значимые, следовательно объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства...»¹.

Величайшим научным подвигом автора «Капитала» является открытие естественного закона развития общества. «Я смотрю на развитие экономической общественной формации, — писал Маркс, — как на естественноисторический процесс...»². Но великие открытия никогда не приходят в одиночку. Другим научным подвигом Маркса является открытие естественного закона движения научной мысли. Не только с точки зрения экономического содержания, но и с точки зрения логической формы развитие научной мысли предстает как естественный процесс. Секрет же этой естественности состоит в том, что ведь логика движения мысли воспроизводит логику развития ее предмета. Естественное для мысли в итоге совпадает с тем, что естественно для ее предмета. Этим естественным законом развития научной мысли является метод восхождения от абстрактного к конкретному, представляющий собой аналог процесса развития.

Вполне естественным является движение мысли от простого к сложному, от одностороннего к многостороннему, от абстрактного к конкретному, от всеобщего к особенному. Именно такова логика изложения целого ряда дисциплин, школьных, например. Однако далеко не во всех случаях можно дать твердую гарантию того, что эта логика движения мысли выражает одновременно и логику развития ее предмета, что последовательно абстракция науки выражает условия не только субъективного понимания предмета, но и

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 86.

² Там же, стр. 10.

объективные условия его существования и этапы его развития. Наше познание действительности необходимо является односторонним, поскольку мысль не в состоянии охватить и выразить сразу конкретную истину во всей полноте ее содержания. Перед лицом конкретной истины абстрактность мысли выглядит как нечто свойственное лишь мысли, как ее естественная ограниченность, как специфичное для нее.

Реальный объект познания есть сложное, многостороннее целое. Человеческая мысль способна выхватить отдельную сторону и оценивать целое в свете этой одной стороны, принятой за существенное. Мысль в этом случае оказывается абстрактной, поскольку она выражает лишь определенную точку зрения субъекта на целостный предмет, выражает лишь мнение субъекта о нем. А мнение, будучи субъективным, зависит от целого ряда обстоятельств, ничего общего не имеющих с природой предмета. Этой абстрактной точке зрения может быть с тем же успехом противопоставлена и другая, столь же абстрактная точка зрения, выражающая другое субъективное мнение о предмете, и т. д. Проникающая отсюда естественная неудовлетворенность знания самим собой, состоящая в том, что оно никак не может преодолеть узких границ своей специфичности, абстрактности, не устранима никакими логическими ухищрениями именно потому, что способ бытия знания не совпадает со способом бытия его предмета, остается всецело специфичным для субъекта, но не для объекта: объект развит, разветвлен, мысль абстрактна, неполна, ущербна, одностороння.

Совсем иные результаты получим мы, если подойдем к вопросу с точки зрения диалектики как теории развития, если попытаемся оценить целое в свете такой его стороны, которая одновременно является генетическим исходным пунктом его развития. Такая оценка предмета необходимо окажется опять-таки по-своему односторонней, но эта односторонность будет выражать уже не только специфику познания, но и способ бытия предмета во времени. Ведь в понимании Маркса абстрактное есть просто одностороннее, конкретное — единство многообразного. Так, например, товар, бесспорно, является абстрактной категорией политической экономии, вырванной из системы экономических категорий, так же как и деньги. Но товар является не только абстрактным отношением сложного целого, выделенным из состава этого целого наукой, но и реальным, исторически исходным пунктом развития этого целого, содержащим все остальные его отношения в неразвитом виде, как бы в зародыше, в «почке». Если рассматривать это целое не в статике его существования, а в динамике его развития, то абстрактная категория науки будет выражать не только логическое условие понимания предмета, но и исторически исходную

фазу его существования. А неразвитая, нерасчлененная форма существования предмета и есть не что иное, как его неполное, одностороннее — и в этом смысле — «абстрактное» бытие. Логически простое в этом случае оказывается одновременно и исторически простым; логически неразвитая мысль, бедная определениями, оказывается отражением исторически неразвитого предмета, которому еще предстоит развить все богатство определений.

Научное мышление, конечно, не может удовлетвориться абстрактным представлением о предмете и с полным основанием рассматривает эту абстрактность как выражение естественной ограниченности знания, его несоответствия конкретной истине. Однако диалектика дает в руки науки метод, позволяющий представить эту ограниченность знания как отражение естественной исторической ограниченности предмета, его неразвитости.

Абстрактная категория, которой посвящена первая глава «Капитала», оказывается одновременно простейшим историческим отношением сложного развитого целого. Это — товар. Товар не только абстракция науки, он — простейшая экономическая реальность, элементарное бытие капитала. Диалектика сознательно отыскивает такой «ракурс» предмета, в котором специфические определения познания оказываются максимально близкими и в этом смысле «тождественными» определениями самого предмета. Абстрактности знания соответствует неразвитость предмета. Преодоление абстрактности знания, его «естественной ограниченности» поэтому осуществляется тем же способом, каким предмет преодолевает свою естественную историческую ограниченность, свою неразвитость. Этот способ заключается в выявлении внутренних противоречий предмета, вызывающих к жизни новые, более сложные, более развитые формы его существования, его новые формации, которые и отражаются новыми, более конкретными экономическими категориями. Таким образом, наука находит такой «срез бытия», который позволяет выразить определения знания через определения объекта, представить логические и гносеологические затруднения как затруднения онтологические, выразить категории гносеологии и логики через категории диалектики, специфику познания через природу его предмета. Не случайно в «Капитале» Маркс постоянно персонифицирует экономические категории, заставляет предмет «высказываться» о себе самом, как бы размышлять над проблемами своего развития. Это — не просто литературный прием, не вопрос стиля, не пустая аналогия. «Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий»...¹. Это осуществ-

¹ К Маркс, Ф Энгельс Соч, т 23, стр 10.

вление метода, адекватного своему предмету, метода, устраняющего эклектическое движение мысли по объекту вкривь и вкось. Это, наконец, идея диалектического совпадения логики, диалектики и теории познания в действии.

Действительно, проблема преодоления односторонности знания, его абстрактности, «специфики», в сущности, оказывается той же самой, что и «проблема» для желудка стать дубом, для личинки — мотыльком, для владельца денег — капиталистом.

В самом деле, возможен ли какой-либо чисто «логический» переход от категории денег, выражающей отношения простого товарного производства, к категориям прибавочной стоимости и капитала, выражающим отношения более развитой ступени производства? Для Гегеля, пожалуй, — да, для представителя метафизической методологии — тоже, ведь, всегда можно изобрести какой-либо «прием», оправдывающий переход мысли от одного предмета к другому, но для автора «Капитала» — категорически нет. Ибо дело состоит вовсе не в том, чтобы найти какой-нибудь любой, пусть искусственный способ перехода от понятия денег к понятию капитала, а в том, чтобы показать, как этот переход совершается вне головы, в реальности. Для теории проблема здесь обладает той же степенью сложности, что и для некоего владельца денег («личинки» будущего капиталиста).

«Наш владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы»¹. Ясно, что отсутствует какое-то решающее звено, которое делает этот акт возможным. Таким звеном не может быть ни товар, ни деньги как таковые, ни операция обмена. Какие бы «логические» действия ни проделывал бы теоретик с этими понятиями, в какие бы махинации на рынке ни пускался бы владелец денег, ключа к загадке им обоим не найти.

Ее практическое, а следовательно, и теоретическое решение окажется возможным лишь в том случае, если владельцу денег, личинке капиталиста «...посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости...»². И владелец денег находит такой товар. Это — рабочая сила. И теоретическое, и практическое решение задачи обязано

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 176—177.

² Там же, стр. 177.

оригинальной природе рабочей силы. Никакие общие законы логики не помогут найти этот ключик, если об этом уже не позаботилась история. Логика здесь необходимо опирается на эмпирию, опыт, дедукция на индукцию, анализ на синтез, всеобщее находит свое рациональное выражение в особенном, т. е. действительно из понятия товара и денег не выведешь понятия прибавочной стоимости. Необходимы посредствующие звенья, обеспечивающие этот переход, которые ученый находит в опыте, в практике. Таковы все переходы теоретической мысли Маркса в «Капитале» от категории к категории.

Ясно, что создание подлинно научного метода развития теоретической мысли предполагало коренной переворот во взглядах на все категории логики и теории познания. Главное же в этой революции — предметное понимание этих категорий. Все специфические определения мышления оказываются специфическими определениями предмета. Даже рассмотренные во всей их абстрактности и всеобщности они должны выражать исторически вполне конкретные и особенные условия развития предмета, в данном случае — общественных отношений производства. «В забвении этого заключается, например, вся мудрость современных экономистов...»¹, ничего не желающих знать, кроме безусловных абстрактных всеобщностей, представляющихся им совершенно «естественными». Капитал для них — вечное и естественное отношение общества и такой их подход к проблеме не удивителен, так как на него ориентирует их классово-апологетическая позиция.

Абстракция — основное понятие логики и методологии науки. Маркс первый в истории науки выдвигает тезис о «практически истинной абстракции», т. е. такой, которая не только по своему содержанию, но и по своей специфически логической форме выражает вполне конкретные, исторически определенные отношения производства. «Предметная абстракция» — это не просто мысленное бытие некоторого конкретного содержания, образ, существующий лишь так сказать «per mentem», через посредство головы. Предметная абстракция — это реальный прообраз мыслительной абстракции, т. е. как бы реальная, независящая от головы «абстракция», воспроизводимая в теории формации исторически развивающегося объекта. Отвлеченность — не исключительно логическое, а вполне объективное свойство этой формации, если понимать под «отвлеченностью» реальное состояние неразвитости объекта. «Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности — как о труде вообще — также весьма древнее. Однако «труд», экономически

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. М., Госполитиздат, 1953, стр. 155.

рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и отношения, которые порождают эту простейшую абстракцию»¹. Развивая эту мысль, Маркс продолжает: «Безразличие к определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивидуумы с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный труд является для них случайным и потому безразличным... Труд здесь не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще... Древнейшее отношение... выступает... в этой абстракции практически истинной только как категория наиболее современного общества... Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей абстрактности они имеют силу для всех эпох, *в самой определенности этой абстракции* представляют собой не в меньшей мере продукт исторических условий и обладают *полной значимостью только для этих условий и внутри их*»².

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать вывод о том, что логическое для Маркса есть отражение исторического развития предмета во всей его специфической определенности. И с этой точки зрения могло бы показаться, что в науке, собственно, не существует никаких методологических проблем, что построение теории предмета сводится к простому следованию за фактами ее исторического развития. Здесь мог бы торжествовать «ползучий эмпиризм», если бы Маркс не внес существеннейших корректив в само понимание исторического, в понимание предмета исторически развивающейся науки.

Абстракция предмета науки

Конкретный историзм Маркса тем и отличается от абстрактного историзма буржуазной науки, что он предполагает определенную теоретическую обработку самой истории, ее «препарирование» для того, чтобы выяснить, какой, собственно, феномен, какую сущность мы намереваемся рассматривать. Иными словами, предмет науки сам по себе представляет собой научную абстракцию от единой, многообразно переплетенной в органическую целостность, действительности. Вот где, кажется, вся старая и новая метафизическая логика и идеалистическая методология могли бы взять реванш: у са-

¹ К. Маркс, К критике политической экономии. М., Госполитиздат, 1953, стр. 216.

² Там же, стр. 217—218—(Курсив наш. — Л. Н. и Г. Ю.),

мых истоков науки стоит все-таки определенная умственная операция, специфическое, логическое, и методологическое «действие», природу которого можно было бы рассмотреть независимо от какой бы то ни было объективной диалектики!

Вопрос о природе предмета теоретической дисциплины — одна из самых сложных методологических проблем науки. Как это ни странно, на первый взгляд, но эта проблема возникает в каждой науке лишь на определенной, весьма высокой ступени ее исторического развития. Самая ее постановка свидетельствует о наступлении теоретической зрелости науки, когда она уже не может удовлетвориться интуицией.

Всякая теоретическая дисциплина осуществляет определенный «срез» в груди фактического материала и очерчивает тем самым контуры собственного специфического предмета. Без учета этого «среза» или уровня познания, соответствующего данной науке, все ее теоретические положения теряют смысл. Прямолинейное внедрение теоретических положений политической экономии «в жизнь» и, наоборот, столь же прямолинейное возведение соображений конкретной политики на уровень теории одинаково губительно и для теории и для практики. Непроизвольное сползание юриста на точку зрения экономиста или, напротив, акробатические взлеты мысли экономиста на точку зрения юриспруденции и морали, мобилизация разнородной по своей логической природе аргументации от физики и физиологии до истории и психологии при обсуждении лингвистической проблемы — все это явления не столь уж редкие в научной литературе.

Рассматривая действительность под определенным, специфически математическим, физическим или физиологическим «углом зрения», традиционно «заданным» характером его науки, ученый-теоретик может поддаться иллюзии, что этот «угол зрения» полагается не объектом, а самой наукой, что ее предмет и метод — следствие указанного «среза», а не наоборот. Именно на этой иллюзии и спекулирует философия идеализма, в особенности современный «логический» позитивизм, утверждающий, что отношение теории к предмету представляет собой не способ отражения реальности, но способ ее конструирования сознанием. На практике эта установка приводит к попытке построения логики, математики, лингвистики и других наук как якобы совершенно произвольных систем символов, ничего общего не имеющих с действительностью. Идеалистическая философия и пытается трактовать предмет теоретической дисциплины как внутренний, «имманентный объект», возникающий в самой теории по мере ее построения.

Надо сказать, что эта идея «имманентного» исследования предмета науки не чужда и автору «Капитала». Именно ему принадлежит призыв развивать науку в ее собственной, при-

сущей ей внутренней связи. Не только математика и физика, политическая экономия и биология, но и химия и лингвистика ставят своей задачей объяснить свой специфический предмет из него самого, из его собственных внутренних закономерностей. Весь вопрос в том, как понимать эту «имманентность». Представляет ли она собой произвольное изобретение мышления, выражение его «специфики» или, напротив, выражение природы объекта и его специфики?

Дело серьезно усложняется тем, что картина мира, возникающая перед умственным взором теоретика, зачастую прямо противоположна той, которая открывается перед глазами созерцателя. «Колесница Дианы», — пишет Ф. Франк, — гораздо ближе к «банальным реальностям» нашей повседневной жизни, чем те символы, посредством которых современная наука описывает орбиты небесных тел. В «богинях» и «нимфах» больше сходства с людьми, которых мы встречаем в нашей повседневной жизни, чем сходства в таких явлениях, как электромагнитное поле, энергия или энтропия, населяющих «невидимую вселенную», с явлениями повседневной жизни..»¹. Это верно. Верно так же и то, что расхождение между миром нашего повседневного опыта и миром теоретических построений науки имеет в своей основе реализацию принципов «логической системы мышления» (А. Эйнштейн), стремления к «простоте описания», угол зрения, органически присущий данной науке. Однако неверно, что мир современного физика строится «лишь посредством вымысла»² и что принцип «логической простоты», единообразия представляет собой априорную установку мышления.

Логически отработанная, систематически построенная теория — идеал не только формальной, но и диалектической логики. Эклектика — враг диалектического метода. Систематическое возведение здания теоретической концепции предполагает мобилизацию только таких аргументов и привлечение только таких фактов, которые раскрывают сущность и специфическую природу исследуемого в теории предмета. Исследование действительности в этом случае носит активный характер, ученый не слепо копирует природу, но действительно активно «вопрошает», т. е. рассматривает под определенным углом зрения. Этот угол зрения не произволен; для каждого данного случая он определен характером той науки, от лица которой ученый ведет исследование.

А. Эйнштейн и Л. Инфельд в своей книге «Эволюция физики» пишут, что открытие Галилеем законов равномерного

¹ Ф. Франк. Философия науки. М., Изд-во иностр. лит., 1962, стр. 55—56.

² А. Эйнштейн. Физика и реальность — «Под знаменем марксизма», 1937, стр. 11—12, стр. 130.

и прямолинейного движения «..отмечает действительное начало физики. Это открытие учит нас тому, что интуитивным выводам, базирующимся на непосредственном наблюдении, не всегда можно доверять, так как они иногда ведут по ложному следу»¹.

Непосредственный опыт учит нас тому, что в реальных условиях скорость движения тела определяется силой, в данный момент прилагаемой к нему, и в этом смысле с этой силой «связана». Теория как бы отвлекается от этой связи, признавая ее за далеко не единственную, а иногда и затемняющую суть дела.

Теория делает вывод, что если на тело не действует совершенно никакая сила, то оно сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения, т. е. тело движется с одинаковой скоростью. Здесь было необходимо разложить явление на элементы, выделить предмет механики в чистом виде, изолировав его от побочных обстоятельств, и рассмотреть его закономерности в чистом виде.

Этот прием, известный науке, в сущности говоря, еще со времен Аристотеля, аналогичным образом рассуждавшем о предмете математики, применяет и Маркс в «Капитале». Некоторые исследователи называют этот прием «идеализацией». Но применение «силы абстракции» для исследования явления в чистом виде предполагает разрешение логического затруднения, не удавшееся кому-либо из теоретиков до Маркса.

Затруднение состоит в том, что один и тот же факт мы можем идеализировать по-разному, принимая за существенное в одном случае одни, а в другом — другие условия. Так, например, падение кусочка папиросной бумаги в разреженном воздухе можно рассматривать как движение в вакууме, отвлекаясь от плотности среды, или, напротив, как движение в плотной среде, отвлекаясь от факта относительной разреженности тонкой воздушной среды. Ясно, что в результате мы получим совершенно различные закономерности.

Современная идеалистическая философия предлагает свое решение для этого затруднения. Реальное явление, говорит она, — лишь знак «физического факта»². Для того чтобы факт породил научные высказывания, его нужно «истолковать». Истолкование же зависит от цели, которую ставит ученый, от его «точки зрения». Эта точка зрения принимается за нечто произвольное. Различные системы интерпретации фактов равноценны и одинаково допустимы, — это было выражено Р. Карнаном в его известном «принципе терпимости»

¹ А. Эйнштейн и Л. Инфельд. Эволюция физики. М — Л., 1948, стр. 30.

² Ф. Франк. Философия науки, М., Изд во иностр. лит., 1962, стр. 62.

(Toleranzprinzip)¹. Точка зрения на вещи будто бы может быть продиктована соображениями удобства, «экономии мышления», вкуса и т. п. Получается, что наука — сфера субъективизма и произвола. Эмпирические факты — это лишь аморфный материал, которому наука, научное истолкование сообщают определенную и устойчивую форму. Явления сами по себе якобы лишены являющейся в них сущности, но они сами становятся сущностями в ходе их научного истолкования.

Для философа-позитивиста предмет науки есть в лучшем случае лишь знаковая модель реальности, рассмотренной под определенным «углом зрения». Реальность составляет лишь «эмпирический базис» науки, над которым возвышается этаж теоретических «конструктов». Базис сам по себе может истолкован как угодно. Определенность и однозначный смысл факты опыта приобретают лишь тогда, когда они вводятся в систему теоретических конструктов. Последняя же не зависит от опыта, но лишь от науки, от ее «языка», от ее точки зрения.

В «Капитале» вся эта проблематика выглядит принципиально иначе, чем в идеалистических трактатах.

Прежде всего Маркс исходит из того, что всякая вещь, рассмотренная абстрактно, в изоляции от связей с другими вещами, вовсе никакой сущности и не представляет, подобно тому как человек, рассмотренный вне его общественных связей, вовсе не является «сущностью».

Так, например, механик увидит в человеке всего лишь систему рычагов, химик — коллоидов, биолог — органов и функций. Иначе «рассматривает» человека история. Абстрактный фейербаховский индивид есть лишь материал, которому только исторический процесс, формирующий общение людей, сообщает устойчивую социальную определенность, сущность. Поэтому сущность человека определяется той системой общественных отношений, которой он принадлежит.

Теоретическое понимание явления состоит поэтому в оценке его роли и значения в некоторой целостной системе взаимодействия явления. Поэтому невозможно понять сущность товара, не рассматривая его отношение к деньгам и к прибавочной стоимости, прибыли, ренте и т. п. Но эта система взаимодействия представляет собой не что иное, как совокупность обособившихся и взаимодействующих моментов самой вещи. Так, например, деньги, капитал, прибыль, процент и т. п. представляют собой продукт развития простого товарного производства, продукт развития самого товара. Следовательно, научная мысль должна свести все многооб-

¹ R Carnap. Logische Syntax der Sprache Wien. Springer Verlag, 1934, S. 44.

разие явлений действительности к внутреннему их единству, а затем вывести это многообразие из этого единства. Все это возможно лишь при условии рассмотрения явлений в развитии. В товаре все категории развитого капитализма находясь в единстве, «в зародыше». Развитие товарного производства превращает это единство в многообразие. И это единство и это многообразие вовсе не представляют собой чего-либо только мысленного или мысленно выделяемого в предметах. Это — реальные исторические категории. Вот почему оказывается принципиально несостоятельным как «ползучий эмпиризм», так и формальный рационализм. Систематичной является прежде всего не знаковая модель объекта, но сам он, взятый в процессе развития. Ведь реальный предмет выступает одновременно и как материал этого процесса, и как его форма, и как «предпосылка» и как «полагаемое»¹.

В сложном развитии целом исходный пункт развития сохраняется и воспроизводится в качестве чего-то простого, элементарного, которому противостоит богатство развитого целого. В этом целом исходное простое играет роль подчиненного момента, материала, который вовлекается в развитие и подчиняется его законам. Так, например, товарная форма продукта труда необходимо «полагается» капиталом как развитой формой товарного производства². Продукт всякого труда, независимо от его специфического характера, признается этим целым только в товарной форме, в форме стоимости, т. е. как воплощение абстрактно-всеобщего труда. Все, что попадает в эту сферу, подвергается переплавке, «интерпретации», «истолкованию». Все это практически, а не только в теории рассматривается как особенное воплощение единой и универсальной сущности, т. е. некой единой точки зрения. Сапожная вакса и произведение искусства — все это практически подытоживается с одной точки зрения, под углом одной определенности, а именно — стоимостной. И лишь постольку, поскольку это подытоживание имеет место реально, мы имеем предмет науки и самую науку — политическую экономию капитализма.

Процесс развития экономических отношений капитализма в том и состоит, что в него постоянно вовлекается определенный внешний материал, которому сообщается устойчивая и определенная экономическая форма, сущность. Капитал подчиняет себе и превращает в формы своего собственного дви-

¹ К. Маркс. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie, Berlin, 1953, S. 189.

² «Мы берем отдельные продукты и анализируем те определенности формы, которые они имеют как товары, т. е. которые накладывают на них печать товара» (К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV, том «Капитала»). М., 1961, стр. 100,

жения, в свой собственный продукт те условия, которые он застает данными. Причем как те, что достались ему от форм, предшествующих капиталистическому производству, так и те, что являются его собственными условиями.

В самом деле, что такое торговая прибыль, ростовщический процент, земельная рента? Можно ли ответить на этот абстрактно поставленный вопрос? Нет, безусловно. Ибо взятые абстрактно эти категории могут представлять собой почти все, что угодно. Конкретно же сущность этих категорий определяет то историческое целое, которому они принадлежат. В одном случае сущность земельной ренты, процента и т. п. состоит в том, что они суть превращенные формы прибавочного труда крепостных, в другом — что они превращенные формы промышленной прибыли, т. е. прибавочной стоимости, созданной наемным рабочим.

Сказанное о капитале целиком применимо и ко всякому процессу развития. Во всяком процессе развития происходит «раздвоение единого» (В. И. Ленин), образование системы и вовлечение в эту систему и воспроизводство в ней всех необходимых условий ее существования. Развивающаяся целое ассимилирует эти условия, сообщает им свою собственную форму, превращает внешнее во внутреннее. Вместе с тем и сам развивающийся объект становится обладающим чем-то «внутренним», поскольку простую форму своего существования он воспроизводит в качестве своего собственного продукта, порождает формы своего собственного движения, которым сам и подчиняется. Поэтому только теория развития может объяснить стремление науки понять предмет из него самого, вскрыть его внутренние законы. Ибо только в процессе развития возникают отношения внутреннего и внешнего, явления и сущности и т. п., исследованием которых занимается теория. Теория же, отрицающая идею развития, необходимо приходит к положению о субъективности категорий сущности, внутреннего и т. п. Поэтому, «препарируя историю», наука исходит не из априорных соображений о «специфике» своего «угла зрения», но из анализа развитых форм существования предмета, в свете которых и оцениваются его простейшие формы. В анализе же простейшего она находит «заточки» сложных форм. В основе всей этой «операции» лежит отождествление различного, «прием», который в реальности совершается ежесекундно.

Высмеивая вульгарного экономиста, у которого везде в рассуждениях субъективная логика, «точка зрения» и т. п. заслоняет логику самих вещей, Маркс пишет, что для него «...характерны такие обороты, как: «если мы *понимаем* под этим то-то, то мы *не понимаем* под этим того-то», и *vice versa* (наоборот. — *Ред.*). Наше «понимание» не имеет ни

малейшего отношения к существенным признакам той вещи, о которой мы говорим»¹.

Не субъективная логика мышления, не «рефлексия» лежат в основе логических операций в «Капитале», а объективный процесс развития капиталистического производства и обмена, который практически «качественно унифицирует» (К. Маркс) разнородные явления и порождает их многообразие. Логические трудности у Маркса повсюду рассматриваются как выражение объективных, предметных противоречий и затруднений, объективная логика везде определяет субъективную и составляет ее внутренний мотив, ее сущность. Поэтому-то диалектическая логика, трактуя о вещах, трактует одновременно и о мышлении, постигающем эти вещи, специфика мышления не противостоит специфике предмета, но выражает ее. В этом и заключается отличие логики исследователя-марксиста от «логики» псевдоученого, который «хочет при помощи болтовни отделаться от трудностей, заключающихся в противоречивых определениях самих вещей, объявляя эти трудности продуктами рефлексии или спором о словесных определениях»², от такого «ученого», который при помощи болтовни о «специфической» логике науки пытается отделаться от диалектики вещей.

Предмет науки рассматривается в «Капитале» как многообразие явлений, связанных внутренним единством. Это единство не зависит от субъективной точки зрения на вещи и составляет их собственное объективное качество.

С логической точки зрения этот принцип выражается в том, что каждая вещь, событие, явление, процесс во всей своей специфичности могут быть конкретно постигнуты лишь в рамках особого, соответствующего им «логического пространства», как различия внутри определенного единства, конкретную природу которого необходимо всякий раз содержательно исследовать. Задача теоретического познания в том, чтобы отыскивать внутреннее единство этих фактов и в нем постигать их различие. Так, например, в обществе каждая его форма «...имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных и отношения которого определяют место и влияние всех остальных. Это — общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях»³.

Характер этого «общего освещения», природа диалектического единства определяют тот **уровень**, на котором допустимо сопоставление и «увязывание» явлений, т. е. ур-

¹ К. Маркс Теории прибавочной стоимости, ч. III, стр. 166.

² Там же, стр. 120

³ К. Маркс. Критика политической экономии. М., Госполитиздат, 1953, стр. 220.

вень теоретического познания. Без учета этого уровня подобное выведение равносильно попытке мерять аршины пудами. «Перейти от труда прямо к капиталу столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы — к паровой машине»¹. Столь же невозможно прямо перейти от химических структур к структурам и функциям биологическим, от биологических — к социальным, от психических — к логическим и т. п. Определение этого уровня анализа явлений — одна из наиболее сложных методологических проблем научного познания. Проблема уровня — это проблема установления той своеобразной всеобщей (для данного круга явлений) сущности, с модификациями которой наука непосредственно имеет дело. Эта сущность составляет реальность, в которой движется теоретическое познание и, ориентируясь на которую, оно оценивает эмпирические факты.

Судьба науки всецело зависит от того, что она рассматривает в качестве подобной сущности. Сколько раз лингвистика испытывала искушение рассмотреть явления языка как проявление биологических процессов, как выражение акустических закономерностей (т. е. рассмотреть своеобразную реальность лингвистических фактов как модификацию биологической или физической субстанции). Сколько раз психология и логика испытывали искушение рассмотреть явления психики и мышления как эпифеномен, побочный, производный продукт физиологических процессов? Сколько раз, наконец, математика испытывала искушение рассматривать самое себя просто как абстрактную физику, предпринимая попытки выведения математических закономерностей прямо из закономерностей физических, или просто как логику?

Становление научной политической экономии было связано с освобождением от синкретической аргументации антропологического, психологического, вообще натуралистического порядка, аргументации, чуждой природе ее предмета. Всякий раз в этих случаях наука испытывала затруднения именно в определении того собственного, объективного «логического пространства», в котором только и может быть рационально, теоретически определен ее предмет.

Все многообразие особенных, единичных явлений рассматривается в «Капитале» как проявление общей им всем и специфичной исключительно для них сущности — общественного труда. Выявление этой сущности предполагает анализ, т. е. сведение многообразия явлений к их внутренней основе. Но этот анализ есть одновременно и синтез, ибо предполагает выделение такого общего свойства явлений, в котором содержатся в свернутом, неразвитом виде другие их

¹ К. Марх, Grundrisse..., S. 170,

особенные и единичные свойства, такого единства, в котором предусмотрено различие. Предмет науки поэтому представляет собой конкретное, которое Маркс определяет как «единство многообразного».

Этот конкретный предмет воспроизводится в ходе научного познания в движении мысли от абстрактного к конкретному, от бедного содержанием, неразвитого, неполного, одностороннего знания к знанию богатому, развитому, полному. Исходный пункт движения научной мысли в «Капитале» составляет научная абстракция, добытая предшествующей английской классической политической экономией, — абстракция трудовой стоимости, сводящая все разнообразие явлений товарного хозяйства к одной общей субстанции — к труду. Однако Маркс не ограничивается сведением всего разнообразия явлений к одной абстракции — стоимости, не ограничивается подведением эмпирических фактов под эту общую категорию. Главной целью науки является выведение многообразия явлений из исходной абстрактной формы, конкретного — из неразвитого состояния объекта.

Но это выведение предполагает принципиально иное понимание абстрактного, чем то, которое могла дать метафизическая теория познания и та старая логика, которую развивали в метафизическом духе. Абстрактное понимается Марксом не как простой результат духовной обработки предмета, не как нечто только мысленно представляемое, но как такая категория, которой соответствует в действительности совершенно реальная, исторически определенная форма существования предмета, его неразвитое, бедное определениями, «элементарное бытие». Поэтому Маркс в «Капитале» исследует не абстрактную категорию стоимости, но простейшее ее выражение, исторически исходную форму ее существования, простейшую конкретность — товар. Товар есть неразвитое явление целого, т. е. товарно-капиталистического производства, и в этом смысле это есть абстрактное явление. Но в то же время он есть и конкретное в том смысле, что содержит это целое в себе в свернутом виде. Вскрывая внутренние противоречия простейшей реальности, от абстрактного научная мысль движется к конкретному. И это движение представляет собой не «чисто логический», т. е. исключительно мысленный переход от одной абстракции к другой, но именно «восхождение от абстрактного к конкретному», воспроизводящее реальный исторический процесс разрешения внутренних противоречий исходной формы и порождения новых форм движения содержания, новых категорий, всего многообразия, составляющего предмет науки. В основе логики мысли Маркса лежит, таким образом, диалектика развития предмета.

Именно диалектика и составляет основу «естественной»

и содержательной, а не искусственной и узко формальной систематизации знания в науке. В основе логической системы науки лежит система связей ее предмета, исторически сформировавшаяся в ходе его развития.

«Капитал» К. Маркса и методология системно-структурного исследования

Понятия структуры и системы находятся в центре внимания современных наук как естественных, так и общественных. Структурные и системные представления определяют облик современной математики, формальной логики, физики, химии, биологии, кибернетики, философии, психологии, социологии, лингвистики и т. д. Эта общая тенденция настолько сильна и значительна, что целый ряд специалистов склонен видеть в структурализме и принципах системного исследования ведущую идею науки XX века, утверждая, что все современное научное знание есть не что иное, как знание структур и систем.

Эта тенденция сама по себе весьма интересна и примечательна. Она свидетельствует о том, что философия диалектического материализма в процессе своего совершенствования должна осуществлять свое развитие, в частности путем методологических обобщений достижений специальных наук. Однако необходимо при этом учесть то важное обстоятельство, что принципы системного и структурного исследования не представляют собой «нового слова» в науках, произнесенного якобы с подсказки неопозитивизма. Целый ряд ведущих теоретиков в различных областях знания на буржуазном Западе с санкции философии позитивизма настойчиво проводит мысль о том, что тенденция системно-структурного анализа представляет собой не только исключительно «новое слово» науки XX века, но и полное освобождение теоретического знания из-под опеки как классической философии, так и философии диалектического материализма.

В действительности же дело обстоит как раз наоборот. Принципы системного и структурного исследования были широко обоснованы всей предшествующей прогрессивной философией, опирающейся на диалектику, и в особенности философией Гегеля. И не только обоснованы, но и применены в практике научного исследования еще в середине прошлого века. Великолепным образцом разработки методологии системно-структурного исследования является, прежде всего, «Капитал» Маркса и другие произведения классиков марксизма.

Разработанные Марксом принципы системно-структурного

го исследования нашли в «Капитале» и глубокую научно-теоретическую реализацию в освещении капиталистической экономики как целостной системы со своей внутренней организацией, структурой. Маркс неоднократно подчеркивал, что политическая экономия должна вскрывать «скрытую структуру буржуазной экономической системы»¹, «внутреннюю связь, действительную физиологию буржуазного общества»².

Это предполагает разрешение противоречия между «видимым движением системы и ее действительным движением»³, сведение связей, выглядящих на поверхности вещей как внешние и случайные, к связям внутренним и необходимым. Движение познания от внешних связей между элементами капиталистической экономической системы к связям внутренним для нее составило содержание истории развития политической экономии.

Меркантилисты, которым принадлежит первая попытка теоретического освещения капиталистического способа производства, констатировали лишь внешние связи, рассматривая торговлю как источник богатства. Физиократы уже обратили внимание на труд как на источник богатства, но рассматривали его только в особенной форме — в форме земледельческого труда.

Существенный шаг вперед в понимании внутренней организации буржуазного общества как целостной системы совершили А. Смит и Д. Рикардо, создав трудовую теорию стоимости. Они стали рассматривать труд как сущность общественного богатства, как субстанцию стоимости. Однако классическая буржуазная политическая экономия не сумела выработать понятия абстрактного труда и не смогла последовательно провести принцип трудовой теории стоимости через анализ всех стоимостных форм капиталистической экономики. Сводя все многообразие этих форм к труду, внутреннему их единству, коренящемуся в труде, она не сумела последовательно вывести это многообразие из единства, ибо была чужда диалектическому мышлению.

Ограниченность позиции и достигнутых результатов у классиков политической экономии позже была использована вульгарными экономистами, представителями той «ученовинегретной и бессистемной компиляции», которую Маркс заклеил презрительным названием «профессорской формы разложения теории». «Бессистемность» их концепции состояла в том, что они пытались объяснить сложные экономиче-

¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. Ч. II. М., Госполитиздат, 1957, стр. 159.

² Там же, стр. 160.

³ Там же.

ские факты ссылкой на множество факторов и принципов, которые никак внутренне не связаны между собой. В этом случае буржуазная экономика не могла быть понята как единая система.

Вульгарные экономисты еще более усугубили основной недостаток школы Рикардо — отказ от стремления развить всю систему экономических категорий из одного всеобщего принципа, внутреннего основания, которым определяются все другие стороны.

Научное разрешение противоречия между «видимым движением системы и ее действительным движением» достигнуто в «Капитале» Маркса. Только Марксу впервые удалось представить все без исключения формы богатства как продукты труда, производящего товары, труда, производящего стоимость, а все категории политической экономии — как модификации категории стоимости. Этим самым вся система экономических категорий последовательно и до конца развита на основе одного принципа — трудовой теории стоимости.

В этом выражается подлинно системный подход, успешно примененный Марксом в «Капитале».

Логика «Капитала» показывает, что теоретическое познание системы возможно через определение ее всеобщего основания. Не поняв систему в целом и ее сущность, в этом смысле ее «субстанцию», невозможно правильно понять любой отдельный, частный момент данной системы.

«Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам»¹.

В первом томе «Капитала» Маркс дает анализ труда как «субстанции» стоимости и прибавочной стоимости как источника и сущности прибылей капиталистов как бы в «чистом виде», без конкретных форм проявления их. Конкретные формы появления единой сущности рассматриваются преимущественно в третьем томе «Капитала».

Таков принципиально важный пункт марксовой методологии системно-структурного исследования, который коренным образом отличается от идеалистического понимания решающей роли целого по отношению к частям. Если идеализм, например холизм, целое рассматривает совершенно в отрыве от частей и вследствие этого решающая роль целого вы-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс Соч., т. 23, стр. 195.

глядит мистической, нематериальной, то марксистское понимание решающей роли системы как целого по отношению к частям основано на признании того факта, что эта функция целого складывается в процессе реального, конкретного исторического развития самой системы в диалектическом единстве с ее структурными компонентами, т. е. частями. Решающая роль сущностного качества целостной системы не задается системе априори, т. е. идеально, а вырабатывается в процессе исторического развития самой системы. Направленность развития системы по определенным законам обеспечивается связью прошлого, настоящего и будущего.

Единством указанных трех измерений времени характеризуется историческое развитие любой системы. Историческая необходимость развития системы имеет свою временную направленность, где прошлое не исчезает бесследно, а сохраняется в настоящем в виде определенных материальных следов. Настоящее не только не исключает реальности прошлого, а наоборот, оно возможно благодаря тому, что в нем актуально наличествует прошлое.

В развитии системы все прошлое, предшествующее развитие не исчезает, а концентрируется в виде исторически выработавшегося определенного способа поведения, взаимодействия системы со средой, т. е. функции. Прошлый опыт унаследован настоящим, сегодняшним состоянием системы. И используя прошлый опыт, система может направленно, целесообразно функционировать. Целесообразная функция системы есть не что иное, как действие, основанное на прошлом опыте с учетом настоящего.

Таким образом, настоящее есть диалектически снятое прошлое. В то же время настоящее есть и потенциальное будущее. Прошлый опыт сконцентрирован в настоящем в виде определенного предвидения будущего. Прошлый опыт развития системы есть устойчивая основа целесообразного способа действий самой системы в настоящем и будущем.

Согласно материалистической диалектике, признание решающей роли целого по отношению к частям вовсе не означает того, что система не зависит от связи элементов, т. е. от структуры. Система, безусловно, зависит от роли и удельного веса каждого из элементов. Но в то же время элементы имеют значение лишь в связи с целым; они выполняют определенные функции в системе целого, точнее — функции системы как целого. В этом состоит решающая роль целого, которым обуславливается место каждого из элементов структуры в системе целого. В этом и выражается связь частей с целым. А раз структурные элементы системы выполняют функции целого, то необходимо разобраться в вопросе, что такое функция системы и каково ее соотношение со структурой.

Система как единство структуры и функции

В современной многочисленной литературе, посвященной системно-структурному исследованию, уже довольно четко определилось мнение, согласно которому функция есть способ взаимодействия элементов структуры. Функция всецело выводится из характеристики структуры и ее элементов. В соответствии с этим функция рассматривается как производная от структуры. Ведущая, определяющая роль отводится структуре; считается, что функция всецело определяется только структурой.

Подобное понимание соотношения структуры и функции является ограниченным, ибо система в действительности зависит не только от взаимодействия элементов системы, т. е. структуры; в еще большей степени она детерминирована взаимодействием системы как целого со средой. Функция системы есть прежде всего функция целого. От природы системы как целого зависят функции каждого из элементов системы. Поэтому задача состоит в том, чтобы понять систему в целом, ее всеобщее основание, а все другие моменты системы как формы проявления этого ее всеобщего основания. Субстанция (труд) есть деятельная, активная сторона системы, а структура — определенная (овеществленная в виде товаров) форма проявления системы.

В системе целого функция является способом движения, деятельности системы во времени, а структура есть то же самое движение, сущность процесса, но как бы в остановленном виде. Поэтому можно сказать, что функция есть организация системы во времени, а структура является организацией системы в пространстве. И структура и функция суть выражение двух сторон единой сущности — целого.

«Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности»¹. Так, например, социальная структура капиталистического общества, выражающая его антиномию, представлена различными видами собственности, которые соответствуют определенным социальным группам: собственность на фабрики и заводы, собственность на землю, денежная собственность. Однако ни станки, ни машины, ни земля, ни деньги сами по себе не представляют капитал, эксплуатирующий наемный труд, не приносят прибыли. Буржуазные экономисты, стремясь увековечить эксплуататорские отношения, изображали дело так, что функция наемного труда и связанное с нею положение рабочего предопределены струк-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 200.

турой собственности, которая рассматривалась как не имеющая никакого отношения к труду, как вечная и естественная предпосылка производства.

В действительности же, как показывает Маркс в «Капитале», эта структура порождена функцией эксплуатации наемного труда. Поэтому и сама капиталистическая собственность представляет собой не что иное, как накопленный труд наемного рабочего. Только будучи вовлеченным в процесс функционирования наемного труда в качестве средства его эксплуатации, естественное богатство становится капиталом, превращается в выражение общественной структуры.

«Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно, как элементы для создания новых потребительных стоимостей, новых продуктов, которые способны войти как жизненные средства в сферу индивидуального потребления или как средства производства в новый процесс труда»¹. Эти вещи становятся средством эксплуатации рабочего, т. е. капиталом. Виды частной собственности составляют структуру буржуазного общества, представляют собой не что иное, как накопленный и овеществленный труд рабочего, высасывающий соки труда живого. Эта структура есть запечатленная функция живого труда, превратившаяся в структуру капиталистического общества, предопределяющую положение наемного рабочего, его эксплуатацию. Признание ведущей роли структуры, формы покоя в отношении к форме движения увековечивает существующее положение вещей.

По Марксу, функция есть момент активный, беспокойный, непрерывно изменяющийся, а структура есть успокоенная, опредмеченная или овеществленная форма. Труд как «субстанция» или как функция, деятельность постоянно превращается из формы беспокойства, т. е. из формы движения, в форму «успокоенную», в форму предметности, т. е. в структуру. Маркс пишет: «Человеческая рабочая сила в текущем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме. Для того чтобы стоимость холста была выражена как сгусток человеческого труда, она должна быть выражена как особая «предметность...»².

¹ К. Маркс. Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 194.

² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 60.

Функция, деятельность, являющаяся процессом непрерывным, обретает в структуре свою угасшую, застывшую, приостановленную форму: «Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает (разрядка наша — Л. Н. и Г. Ю.) в продукте. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности [Unruhe], теперь на стороне продукта выступает в форме покоегося свойства [ruhende Eigenschaft] в форме бытия»¹.

Вместе с функцией и структура является продуктом исторического развития целого. Поэтому изучение структуры системы может быть содержательным, если учитывается история развития системы в ее необходимых, закономерных пунктах. Задача состоит в том, чтобы понять структуру и функцию как продукты исторически развивающейся системы, где ведущая, определяющая роль принадлежит функции. Если рассматривать единство структуры и функции вне принципа развития, т. е. не принимать во внимание, что они суть продукты исторического развития системы, то окажется, что определяющую роль будет играть структура по отношению к функции. Если не принимать во внимание, что структура есть момент, характеризующий собой ставшее, зафиксированное, как бы остановленное состояние непрерывного процесса исторического развития системы, то логически неизбежно признание функции как способа выражения структуры, т. е. способа взаимодействия элементов структуры. В этом случае считается, что функция всецело обусловлена структурой и этим самым фактически она сводится к последней, так как функция выступает как характеристика момента самого процесса взаимодействия частей, т. е. структуры.

В политической экономии такое положение приводит к увековечению положения наемного рабочего, который должен выполнять функцию раба капитала, раз и навсегда заданную его структурой. Не к лучшим результатам это понимание приводит и в философии и в естествознании.

Подобная точка зрения является очень распространенной не только в современной естественно-научной, но и философской литературе.

Такое узкое понимание структуры и функции неизбежно, когда система рассматривается лишь в изоляции от среды.

Определение структуры и функции является прямо противоположным при принципиально ином подходе, обязатель-

¹ К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 191—192.

но включающем в себя, так сказать, «субстанциональное» понимание. Если при анализе системы как единичного, изолированного явления ничего не остается больше, как выводить функцию из структуры системы (функция как способ взаимодействия частей), то при «субстанциональном» понимании, согласно которому сама единичная, индивидуальная система есть момент или часть более широкой системы, функция есть способ движения, действия единичной системы в составе более широкой системы.

Таким образом, узкое структурное, или иначе структуралистское, определение функции как способа взаимодействия частей преодолевается в более широком определении функции как целого. Если рассматривать систему с позиции ее исторического развития, то окажется, что вернее считать, что функция не определяется структурой, а, наоборот, сама структура системы определяется функцией, т. е. исторически развивающимся взаимодействием системы и среды. Структуру как форму проявления невозможно правильно понять без ее содержания, т. е. ее сущности. Значит, структурный принцип организации системы является подчиненным моментом по отношению к сущностно-субстанциональному принципу ее организации.

Если система, ее компоненты или элементы детерминируются прежде всего целым, вернее, сущностным качеством целого, то совершенно очевидно, что к определению системы далеко не достаточно идти от частей, их взаимодействия, т. е. от структуры в целом. Наоборот, структурный аспект должен рассматриваться как подчиненный момент по отношению к сущностно-субстанциональному принципу, т. е. к детерминации частей целым. Должно быть учтено диалектическое единство двоякой природы детерминации системы: с одной стороны, детерминация частями, их связью (структурой) целого, с другой — детерминация «субстанциональным» качеством целого частей, их связи (структуры). Признание диалектического единства двоякой природы детерминации системы предполагает раскрытие ведущей роли субстанции (целого) по отношению к структуре.

Деятельной стороной системы, т. е. функцией, определяется структура, связь и взаимодействие частей. Любая часть имеет специфику, лишь выполняя определенную функцию целого. Значит, понять сущность взаимодействия частей, т. е. структуры, можно лишь через уяснение способа действий, способа функционирования их в системе целого. А это в свою очередь возможно через уяснение функций целого. Об этом, собственно, говорил В. И. Ленин, когда подчеркивал, что задача социолога состоит не в том, чтобы свести социальное к индивидуальному, а в том, чтобы вывести мотивы

деятельности отдельных людей как мотивы социальные, как функцию данного общества, данного класса.

В процессе исторического развития системы имеет место непрерывное воспроизведение способа взаимодействия ее со средой, т. е. ее функций. Причем воспроизводятся не всякие (случайные, второстепенные), а те функции, которые составляют необходимые условия и предпосылки развития самой системы. Последние составляют имманентную историю происхождения и развития самой системы; они сохраняются на всем протяжении ее истории. Их исчезновение или разрушение было бы равнозначно распаду и гибели самой системы. По мере прогрессивного развития системы основные функции ее должны постоянно воспроизводиться в расширяющихся масштабах. В таком закономерном воспроизведении способа существования в виде определенных функций, деятельности и выражается историческая необходимость развития системы.

Из изложенного вытекает важный методологический вывод: ни одна часть системы не может быть правильно понята, если не понята природа способа действий, способа функционирования целого как определенная пространственная организация его функций.

Раскрытие определяющей роли функций целого по отношению к его структурам содержится в марксовом анализе функций денег, которые могут «выступать в своей золотой (или серебряной) телесности»¹ в их структурности. Функции денег могут выполнять не только золото и серебро, но также и их заместители. Это значит, что структурные компоненты всецело обусловлены природой, функцией целого. Эту зависимость структур от функций Маркс и подчеркивает: «Функциональное бытие денег поглощает, так сказать, их материальное бытие»².

Саму структуру можно понять лишь как выражение функции целого. Сущность структуры невозможно вскрыть в ее бездейтельном, бесфункциональном состоянии. Например, золото и серебро как функции денег невозможно понять, исходя из анализа их структур. В структурном отношении они всего-навсего лишь металлы. Точно также функцию любого органа в организме не понять путем анализа структуры этих органов. Процессы дыхания, допустим, нельзя понять, разбирая лишь анатомические особенности легких. Дело в том, что не легкие дышат, а дышит организм как целое с помощью легких. Орган выполняет лишь функцию целого — организма. Сказанное относится к любому органу.

Следовательно, понять структуру — это значит прежде всего установить, какие функции целого она выполняет.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 140.

² Там же, стр. 140.

В выполняемой функции, способе существования заключена сущность структуры. Такое понимание функции существенно отличается от структуралистского¹ определения ее как способа взаимодействия частей внутри данной системы. При структуралистском определении функции принимается во внимание лишь структурный принцип организации системы и остается в стороне сущностно-«субстанциональный» принцип. Если, согласно сущностно-«субстанциональному» принципу структура есть выражение функции системы как целого, т. е. способа ее существования в единстве со средой, то при структуралистском определении берется во внимание лишь связь элементов системы как индивидуального, изолированного от среды явления.

Подобное структуралистское определение системы, при котором не учитывается или недостаточно учитывается сущностно-«субстанциональный» принцип ее организации, имеет место в так называемой *общей теории систем*.

Согласно общей теории систем основным в определении системы является констатация наличия связи, упорядоченности и организованного характера взаимодействия компонентов. Система есть «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» (Берталанфи). «Система — это множество элементов с отношениями между ними и между их атрибутами» (Холл и Фейджин). Как видно, в приведенных определениях указывается лишь один момент, присущий системам, а именно лишь структурный аспект (связь элементов) организации системы.

Общая теория систем имеет дело с самой простейшей формой качественной определенности системы. Система изображается как некое вычлененное, независимое явление, т. е. исследуется лишь одно качество или принцип организации системы, ее особые индивидуальные качества, как качества непосредственно обусловленные системой самой по себе. В данном случае система берется вне сложной динамики отношений с окружающей действительностью, т. е. не как часть более широкого системного образования, в которую она входит, а как исключительно единичное явление.

Предметом общей теории систем являются системы, понятые не как выражение конкретно-всеобщего, как диалектического единства общего, особенного и единичного, а абстрактно-общее свойство, присущее всем единичным системам. Общее свойство выводится путем абстрагирования от особенного и единичного.

Так, М. Месарович — один из крупных представителей

¹ В настоящее время во Франции появилось методологическое течение так называемого структурализма. Разбор и критика взглядов этого течения — задача особой работы.

общей теории систем весьма точно охарактеризовал логико-гносеологическую основу этой теории следующим образом: «Общая теория должна быть настолько общей, чтобы ей удалось охватить все различные уже существующие конкретные теории. В связи с этим она должна быть достаточно абстрактной, чтобы ее термины и понятия могли быть интерпретированы в каждой из более узких областей. Ясно, что чем более абстрактно некоторое высказывание, тем на более широкий круг объектов оно распространяется, но одновременно тем меньше несет оно информации относительно поведения любой конкретной системы. Общие понятия должны подчеркивать то общее, что есть в поведении рассматриваемых систем, и пренебрегать частностями, характерными для поведения каждой конкретной системы в отдельности»¹.

Предметом общей теории систем являются абстрактные модели: «Общая теория систем по необходимости должна изучать общие абстрактные системы... нам достаточно будет понимать абстрактную систему как некоторую абстрактную аналогию или модель определенного класса реально существующих систем. Тогда общую теорию систем можно рассматривать как теорию абстрактных моделей»². Абстрактная система в общей теории систем может быть представлена либо в виде математического уравнения, либо в виде программы для вычислительной машины, либо как некоторая физическая модель, либо с помощью словесного описания и т. д.

Понятие абстрактной системы хорошо передает основную сущность предмета общей теории систем, освобожденного от конкретности (имея в виду конкретность как единство различных моментов предметной реальности в составе определенного целого).

Абстрактно-общие свойства систем, согласно общей теории систем, получаются на основе выделения тех абстрактных одинаковых признаков, которыми обладает каждый отдельный, единичный объект. Такое понимание системы может быть охарактеризовано не только как абстрактное, но в то же время и как формальное, которое, однако, бесспорно обладает познавательным значением в современной науке. В частности, структурное или структуралистское истолкование системы открывает возможности применения точных методов и приемов логических и математических исследований. В этом можно убедиться, обращаясь к успехам кибернетики, где широко применяются логические и математические методы и приемы исследования систем с определенными структурами.

¹ М. Месарович. Основания общей теории системы. В сб.: «Сб. общая теория систем» М., «Мир», 1966, стр. 18.

² Там же, стр. 19.

При всей прогрессивности структурного определения системы необходимо отметить, что ему свойственна определенная ограниченность. Основной недостаток структурного определения системы связан с изолированным подходом к ней, а именно: система рассматривается как исключительно единичное, индивидуальное образование. Между тем диалектика учит, что все предметы и явления окружающей действительности неразрывно связаны и взаимодействуют друг с другом.

При анализе системы как исключительно единичного, индивидуального явления, взятого в отрыве от среды, в центре внимания находится структура, т. е. система рассматривается как связь элементов. Качества и свойства системы определяются структурой, связью и взаимодействием элементов внутри данной системы. Поэтому анализ системы как исключительно индивидуального, единичного образования рассматривается в изоляции от среды, его можно считать основачным на структурном принципе организации системы.

Огромные успехи, достигнутые в последнее время физикой, химией, кибернетикой, биологией и т. д., обязаны во многом структурному анализу объектов. Познание системы с необходимостью предполагает исследование структуры. И поскольку основным законом организации системы считается структура, то иногда даже допускается отождествление категорий системы и структуры.

Но может ли быть исчерпано познание системы познанием ее структуры? Утвердительный ответ на этот вопрос может быть дан лишь в том случае, если система обладает только структурным принципом организации. Но так как указанным принципом не исчерпывается организация системы, то и познанием структуры не может ограничиться познание системы. Ограниченность, недостаточность структурного подхода в познании системы обусловлены тем, что система в действительности есть не только отдельное, строго обособленное явление в себе, не зависимое от взаимодействия с окружающей действительностью.

Знание о системе как об изолированном отдельном явлении есть весьма неполное, поверхностное знание о ней. Полное знание об отдельном объекте как системе возможно при рассмотрении ее как продукта, в свою очередь более сложного системного образования, т. е. через изучение взаимодействия с другими объектами. «Отдельное бытие (предмет, явление etc), — пишет В. И. Ленин, — есть (лишь) одна сторона идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны действительности, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными (besonders für sich bestehende). Лишь в их совокупности (zusammen) и в их отношении (Beziehung) реализуется истина»¹.

¹ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 29, стр. 178.

Познание системы должно подниматься от уровня единичности до уровня всеобщности. Познание единичного не может объяснить полностью его особенностей, его функций, так как изменение качества системы оказывается зависимым не только от него самого, но и от той более широкой системы, элементом которой оно является и функции которой оно выполняет.

Между тем каждый индивидуальный объект существует не сам по себе, а существует, выражая в своих функциях связи с другим, более широким целым.

Дело не в том, чтобы выделить из множества индивидуальных объектов то, что общее им (общую структуру), а в том, чтобы установить принцип, в силу которого различное вытекает одно из другого и на этой основе представить систему как единство многообразия. Истинная сущность систем обнаруживается не в их однородных и лишенных различий структурах, а в конкретной полноте многообразия качественных различий, содержащихся в них. А эта конкретная полнота обнаруживается не через анализ структуры единичных, индивидуальных объектов, а через рассмотрение их как членов более широкой системы, т. е. через изучение их функций.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы познать систему как целое и через нее объяснить составляющие ее компоненты. Всякий предмет должен быть рассмотрен не только сам по себе, но и в связи с другими предметами или системами, т. е. в свою очередь как компонент другой системы. Это значит, что всякая индивидуальная система должна быть понята не только как продукт и выражение собственной структуры, но и как момент или часть более широкой системы и ее законов, понята через ее сущность. Сама индивидуальная система есть проявление всеобщего закона функционирования более широкой системы, компонентом которой является индивидуальная система. Поэтому истинное знание о системе возможно при подходе к ней как проявление единой сущности, лежащей в основе развития более широкой системы. Такое понимание системы основано на учете сущностно-«субстанционального» принципа организации системы.

При таком понимании системы в нем в диалектически снятом виде содержится принцип организации системы как замкнутого, индивидуального явления «в себе». Как отмечал Гегель, «когда мы останавливаемся только на «в себе» предметов, мы понимаем их не в их истине, а в односторонней форме голой абстракции»¹. Абстрактность принципа организации системы «в себе» состоит в том, что система, взятая сама по себе (отдельно, изолированно), не может обнаружить свою родовую или видовую сущность, которая в то же

¹ И. Гегель. Соч., т. I, стр. 214.

время и является сущностью индивида как системы. Предмет получает свою определенность в процессе развития через взаимодействие с другим предметом. Вне взаимодействия вещи не могут проявлять свои качества и развиваться или, другими словами, не могут существовать и быть действительными. Нереально то, что не действует и не терпит воздействия. Нет иного способа развития вещи, чем проявление ее качеств во взаимодействии с окружающей действительностью.

В процессе взаимодействия индивидуальная вещь «в себе» превращается в вещь «для других». Гегелевские категории «в себе» бытие и «для себя» бытие получили весьма высокую оценку у В. И. Ленина: «Это очень глубоко: вещь в себе и ее превращение в вещь для других (ср. Энгельс). Вещь в себе *вообще* есть пустая, безжизненная абстракция. В жизни в движении все и вся *бывает* как «в себе», так и «для других» в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое»¹.

Переход познания от вещи самой по себе как единичного явления к познанию вещей в системе их взаимодействия есть объяснение внешних свойств через внутренние качества, через внутреннее основание. Такой подход к явлениям, согласно которому любой компонент системы есть выражение всеобщего закона, внутреннего основания, данной конкретной системы как целого, составляет важный момент марксистской методологии.

В марксистском понимании история общества не может быть правильно воспроизведена в теории посредством анализа и описания отдельных, частных процессов, фактов, моментов в изолированном виде друг от друга. Только лишь познав систему в целом, в совокупности всех ее внутренних связей, можно правильно объяснить компоненты этой системы.

Всеобщим основанием любой общественно-экономической формации является способ производства, которым определяются все другие общественные отношения в пределах данной общественно-экономической формации. Только поняв основные закономерности той или иной общественно-экономической формации, можно правильно понять сущность любого социального явления, происходящего в пределах данной формации, как модификацию всеобщего основания способа производства. Огромное научное значение такого подхода, составляющего основу материалистического понимания истории, открытого К. Марксом, отмечалось В. И. Лениным: «Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другого

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 97.

попытки научно объяснить функционирование (разрядка наша. — Л. Н. и Г. Ю.) и развитие какой-нибудь общественной формации — именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. — другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее, — до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки»¹.

Методология системно-структурного исследования и естественные науки

На анализе принципа организации предметов как систем основаны и все крупнейшие достижения естественных наук: биологии, химии, физики, математики XIX и XX вв.

Пожалуй, можно сказать, что в естественных науках исследование объектов как систем в соответствии с сущностным принципом исследования получило свое развитие раньше всего в биологии. Мы имеем в виду эволюционную теорию Ч. Дарвина, которая, собственно, открыла законы взаимодействия больших масс органических индивидов, особей, образующих вид. Индивидуальные качества и закономерности отдельных особей значительно отличаются от общего качества системы — вида. Но развитие особи, индивида определяется закономерностями развития системы в целом (вида), т. е. закономерностями, действующими среди больших масс индивидов. Только открыв закономерности для массы индивидов, составляющих систему, можно через них правильно объяснить и развитие отдельных представителей вида — индивидов. В этом состоит великое значение эволюционной теории Ч. Дарвина, возникновению которой предшествовала эмпирическая ступень познания органической природы.

В наиболее четком виде эта эмпирическая ступень познания внешних свойств органических форм была выражена в искусственной системе классификации К. Линнея. С точки зрения логического содержания искусственная система классификации Линнея была построена на метафизическом принципе абстрактного тождества, т. е. абстрактной общности описываемых признаков различных особей. Классификация Линнея, основанная на анализе числа тычинок и пестиков

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 139—140.

цветка, есть процесс индуктивного обнаружения некоторого общего единства в признаках различных организмов. Но общность эта, как результат синтеза данных преимущественно эмпирического анализа и эмпирической индукции, выступает как абстрактная общность, так как анализ и индукция Линнея выделяют лишь внешние сходства и опускают различия, т. е. особенное. И путем отрыва тождества от различия Линней приходит к формальному тождеству, лишенному определенности в отношении другого, так как форма простого тождества с собой лишает отношения к другому. Искусственная система классификации видов Линнея всецело основана на принципах гносеологии эмпиризма, в частности, Локка. У Линнея виды растений классифицируются по абстрактно-общему признаку — одинаковое количество пестиков и тычинок у различных растений. Абсолютизация эмпирико-аналитического момента в познании приводит к абстрактному тождеству, из которого исключены переход в другое и связывание разного.

Действительно, в результате эмпирического описания Линнеем видов по принципу выделения абстрактно-общих признаков у растений механически в одну группу были сведены зачастую весьма отдаленные формы. Так, например, в одной группе оказались сирень и один из злаков — золотой колосок на том лишь основании, что цветы обеих этих форм имеют по две тычинки. Морковь попала в один класс со смородиной, так как цветы этих растений имеют по пять тычинок; камыш оказался в одном классе с барбарисом и т. д. А действительно близкие формы, наоборот, были отнесены к весьма отдаленным, совершенно различным классам.

Абстрактно формальная точка зрения тождества, согласно которой органическое существо надо трактовать как нечто только лишь тождественное с собой и неизменное вынуждает нас признать акт творения как причину возникновения и развития видов. «Объяснение» принципа развития в органической природе неизбежно оказалось телеологическим.

Реализация задачи познания основного закона развития органической природы как единой системы осуществлена впервые только Дарвином. Решение указанной задачи Дарвином стало возможным на принципиально иной методологической основе. Он отказался от эмпирическо-индивидуального сведения всего разнообразия органических форм к их абстрактно-общим признакам, лишенным конкретного содержания. Понятие вида нельзя выработать на основе определения тех признаков, которые внешне общи всем ныне существующим особям. Дарвин стихийно-диалектически осознал теоретическую несостоятельность эмпирико-индуктивного подхода и избрал принципиально иной методологический путь определения вида. Он понял, что вид не может быть абстракт-

нией, заключающей в себе лишь то одинаковое, что имеют между собой ныне существующие особи, как это было у Линнея в его искусственной системе классификации. Закон, сущность, «субстанция» вида ни в коем случае не могут совпадать непосредственно с теми общими признаками, которыми обладают ныне существующие особи, так как в процессе эволюции вида унаследуется потомками только лишь одна часть общих признаков, а другая часть уграчивается и заменяется совсем иными.

Поскольку наследственность не является неизменной, а постоянно «корректируется» влияниями внешней среды, преломляющимися через внутренние специфические особенности организации, то учет этих «корректировок» необходим. Следствием и формой выражения «корректировок», вносимых в наследственность, являются индивидуальные различия, анализу которых Дарвин уделяет большое внимание.

Если методологическим принципом линнеевского определения вида является констатация общих признаков, абстрагированных от особенных качеств индивидов, то дарвиновский подход является принципиально иным, основанным на учете особенных качеств единичных индивидов.

Посредством анализа индивидуальных различий Дарвину удалось установить внутренние связи между видами и на этой основе представить органический мир как единую систему органических форм. Дарвин отмечает: «...Я считаю индивидуальные различия, хотя они мало интересны для систематики, крайне важными для нас...»¹.

Анализ особенного (индивидуальных различий) позволил Дарвину совокупность всего многообразия биологических видов в органической природе связать с единством их происхождения и представить в виде целостной системы.

Вид понимается Дарвином не как абсолютно тождественная с собой единица, лишенная связи с другими, а как тождество себя и другого, вида и разновидности; разновидность — зачинающийся, молодой вид, т. е. тот же вид, но в другой момент своего развития. Существование разновидностей есть свидетельство отсутствия абсолютного тождества представителей вида. Самый факт существования индивидуальных различий и разновидностей должен быть признан за выражение изменчивости, подвижности видовых форм. Разновидность есть форма связи, перехода одного вида в другой.

Указанием на отщепление от видов разновидностей и на образование новых видов Дарвин ввел в свое научное определение вида момент развития, диалектики. И весь смысл

¹ Ч. Дарвин. Соч., т. 3, стр. 350.

дарвинского учения о виде заключается в замене статического представления о виде, как о чем-то абсолютно тождественном самому себе, представлением динамическим.

В этом выражается полнота содержания понятия вида у Дарвина и преодоление неполноты понятия вида у Линнея, в котором схвачена была лишь абстрактная общность, абстрактное тождество особей, взятое в отрыве от единичных и особенных форм их проявления (индивидуальных различий). Понятие вида выступает у Дарвина как конкретное всеобщее, как единство многообразного, включающее в себя богатство особенного и единичного, т. е. как единство многообразного.

На сущностном принципе исследования построена и периодическая система элементов Д. И. Менделеева. Свойства отдельных элементов правильно объяснимы лишь в системе отношений с другими элементами. Качественная определенность химического элемента не может быть определена вне периодической системы.

Менделеевская периодическая система, построенная на генетическом принципе восхождения от простого к сложному, раскрывает внутренние, необходимые связи между всеми химическими элементами и определяет место каждого элемента в этой системе. Это оказалось возможным лишь потому, что Менделеев открыл тот общий принцип, то всеобщее основание, которое лежит в фундаменте всех элементов, субординирует и объединяет их в единую систему. Менделеев сознательно ставил задачу — выявить единство в многообразии химических элементов: «Наука состоит в отыскании общего».

В элемент [ах] есть обще [е]... Связать эти индивидуальности общею идеею — цель моей [естественной] системы»¹.

Периодическую зависимость элементов от величины атомного веса великий химик и положил в основу своей системы в качестве основной идеи.

Если предшественники Менделеева в основном остановились на аналитическом изучении отдельных элементов (единичное) и их групп (особенное), то Менделеев сумел подняться на более высокую ступень — ступень изучения всеобщего, всеобщей связи между всеми элементами и их группами. Открытие всеобщего принципа, всеобщего основания или «субстанции», лежащей в основе взаимодействия всех элементов между собой, позволило великому ученому-химiku объединить их в единую систему.

¹ Д. И. Менделеев. Научный архив. Т. I, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 618.

Познание отдельного, индивидуального объекта возможно через изучение его как части или момента системного образования взаимодействующих объектов. Такой подход является вполне теоретически осознанным в современной физике, в частности, в теории относительности, квантовой механике и т. д. Существо процессов, происходящих в движущемся теле, невозможно объяснить исключительно материальными процессами внутри него, т. е. при изолированном подходе, хотя изучение «индивидуальной», т. е. сугубо конкретно фактической природы того или иного объекта в наиболее возможной при этом полноте — необходимый предварительный шаг в исследовании. Оно объяснимо при соотношении с другими объектами, образующими совместно определенную систему взаимодействующих объектов. Отдельное движущееся физическое тело может быть правильно познано при рассмотрении его относительно к другим телам, т. е. как части или момента системы.

Необходимость учета зависимости собственных качеств тела от взаимодействия его с другими телами особую актуальность приобрела в квантовой механике. Это связано с тем, что если в макроскопическом масштабе часто допустимо рассмотрение либо изолированных, либо слабо взаимодействующих тел, то в квантовом мире частицы связаны сильнее, и потому выделение изолированной частицы еще менее вероятно.

Классическая механика, предметом которой является изучение движения отдельных объектов как следствия воздействия внешних сил, отвлекается от внутренних свойств и сущности объектов. В лучшем случае классическая механика вынуждена исходить из идеи внешней детерминации объекта, так как объект рассматривается как исключительно изолированное явление. А внутренняя структура и сущность объекта проявляется в его отношении к другим объектам, т. е. в определенной системе взаимодействия их между собой. Поэтому истинное познание сущности физического объекта и преодоление концепции внешней детерминации его оказалось возможным через изучение в системе взаимодействующих объектов.

Отказываясь от идеи внешней детерминированности физических явлений, современная физика приняла на вооружение учение о сложных системах, в разработке которого существенную роль сыграла теория вероятностей. Предметом последней является некоторое множество, совокупность или «масса» явлений, рассматриваемая как сложная система. Сложными системами называются системы с относительно независимыми, автономизированными компонентами, взаимодействие которых обеспечивает высокую избирательность и направленность функционирования системы в целом.

В методологическом плане учение о сложных системах означает преодоление метафизической концепции отдельного, изолированного физического объекта. Точка зрения вероятности, массовости (системности) не исключает исследования отдельных, индивидуальных объектов и их сущностей. Наоборот, сущность отдельного объекта раскрывается лишь в системе отношений с другими объектами, лишь в системе массовых образований.

Особых успехов в проникновении во внутреннюю структуру отдельных объектов достигла квантовая механика, которая сумела сразу приступить к изучению микрочастиц с точки зрения вероятностных систем. Она наглядно продемонстрировала преимущество сущностного познания по сравнению с односторонне структурным принципом организации системы: чем глубже проникаем в сущность системы, тем лучше познаем внутреннюю структуру образующих ее объектов.

Системные представления развиваются и в математике.

В свое время Ф. Энгельс показал, что отрицательные величины алгебры реальны лишь постольку, поскольку они соотносятся с положительными величинами. Взятые вне этого отношения, сами по себе, они носят чисто воображаемый характер. То же самое и в тригонометрии. Свойства треугольника проявляются строго в зависимости от включения в ту или иную систему связей и отношений. Ф. Энгельс писал об этом так: «После того как синтетическая геометрия до конца исчерпала свойства треугольника, поскольку последний рассматривается сам по себе, и не в состоянии более сказать ничего нового, перед нами благодаря одному очень простому, вполне диалектическому приему открывается некоторый более широкий горизонт. Треугольник более не рассматривается в себе и сам по себе, а берется в связи с некоторой другой фигурой, кругом... Благодаря этому стороны и углы получают совершенно иные определенные взаимоотношения, которых нельзя было открыть и использовать без этого отнесения треугольника к кругу, и развивается совершенно новая, далеко превосходящая старую теорию треугольника, которая применима повсюду, ибо всякий треугольник можно разбить на два прямоугольных треугольника. Это развитие тригонометрии из синтетической геометрии является хорошим примером диалектики, рассматривающей вещи не в их изолированности, а в их взаимной связи»¹.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что метод

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 580.

диалектически усовершенствованного системного исследования является общим для всех наук методом на их теоретически развитой стадии. Но в отличие от других наук в «Капитале» Маркса методологические принципы исследования систем не просто применены, но в то же время получили развитие в философско-методологическом плане. Поэтому уяснение основного содержания разработанных и примененных Марксом в «Капитале» принципов диалектического системного исследования имеет огромное методологическое значение для всех других наук.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1968 ГОД!****Серия
научно-
популярных
брошюр****«ЭКОНОМИКА»****Индекс 70066**

Эти брошюры адресованы специалисту народного хозяйства, пропагандисту, лектору, агитатору, преподавателю и студенту вуза. Они откликаются на все новое и значительное в экономике нашей страны и за рубежом. Главное внимание в 1968 году серия уделяет выпуску брошюр, пропагандирующих решения XXIII съезда партии, Пленумов ЦК КПСС, первым итогам экономической реформы.

В 1968 году будет издано 12 брошюр, в том числе:

П а ш к о в А. И., чл.-корр. АН СССР. **В. И. Ленин и развитие советской экономической мысли;** **М и л е й к о в с к и й А. Г.**, чл.-корр. АН СССР. **Ленинская теория империализма и современный госкапитализм;** **Г а р б у з о в В. Ф.**, министр финансов СССР. **Хозяйственная реформа и финансы;** **Р я б у ш к и н Т. В.**, чл.-корр. АН СССР. **Закономерности и особенности расширенного воспроизводства в странах социализма;** **К р о н р о д Я. А.**, докт. экон. наук. **Развитие Лениным теории социалистического воспроизводства и современность;** **Ш т у н д ю к В. Д.**, канд. экон. наук. **Хозрасчет — в сферу управления.**

Подписная цена на квартал — 27 коп.

Серия помещена в каталоге «Союзпечати» в разделе «Научно-популярные журналы» под рубрикой «Брошюры издательства «Знание».

Издательство «Знание»